

Кузнецова Елена Николаевна

**ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА МИФИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА
"ПОСЛЕДНИЙ СРОК"**

В данной статье представлен анализ повести В. Г. Распутина "Последний срок" в свете кризиса мифического сознания, который понимается нами как кризис сознания человека вообще. Реализация исследовательских задач достигается путем обращения к комплексному филологическому анализу текста, а также с помощью феноменологического подхода, в основе которого лежит понимание мира как феномена сознания. Это позволяет рассмотреть миф как поле сознания, внутри которого живет и действует человек. Анализ повести Распутина "Последний срок" показал, что миф является специфическим опытом сознания, обладающим собственной онтологией, а мифическое сознание является метаструктурой, пронизывающей все сферы человеческой деятельности. Искажение мифического сознания ведет к разрушению духовно-нравственных традиций в обществе, к фрагментарному видению человеком целостной картины мира, к утрате им своего места в нем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-4/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. IV. С. 117-119. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В данной статье представлен анализ повести В. Г. Распутина «Последний срок» в свете кризиса мифического сознания, который понимается нами как кризис сознания человека вообще. Реализация исследовательских задач достигается путем обращения к комплексному филологическому анализу текста, а также с помощью феноменологического подхода, в основе которого лежит понимание мира как феномена сознания. Это позволяет рассмотреть миф как поле сознания, внутри которого живет и действует человек. Анализ повести Распутина «Последний срок» показал, что миф является специфическим опытом сознания, обладающим собственной онтологией, а мифическое сознание является метаструктурой, пронизывающей все сферы человеческой деятельности. Искажение мифического сознания ведет к разрушению духовно-нравственных традиций в обществе, к фрагментарному видению человеком целостной картины мира, к утрате им своего места в нем.

Ключевые слова и фразы: кризис; мифическое сознание; ономапэтика; символ; самоидентификации субъекта.

Кузнецова Елена Николаевна

Тольяттинская академия управления

elena.n.77@yandex.ru

**ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА МИФИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
В ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА «ПОСЛЕДНИЙ СРОК»[©]**

Мифическое сознание является сложным социальным и культурным феноменом. Это вневременное явление, многообразно проявляющееся в различных областях человеческого существования. В данной работе мы определяем мифическое сознание как часть социального процесса, определяющего сакрализацию традиций, норм и правил жизни в социуме, к воспроизводству и закреплению наиболее устойчивых социальных отношений и связей. Искажение мифического сознания понимается нами, как кризис сознания человека вообще. «Мифическое сознание это и есть сама жизнь, со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью. Миф не есть бытие идеальное, но – жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность», – писал А. Ф. Лосев [3, с. 8].

Отталкиваясь от постулата Лосева, мы переходим к анализу повести Распутина «Последний срок» в свете кризисной парадигмы отношений между мифическим сознанием и сознанием человека его утратившего. Реализация исследовательских задач достигается путем обращения к комплексному филологическому анализу текста, а также с помощью феноменологического подхода, в основе которого лежит понимание мира как феномена сознания. Это позволяет рассмотреть миф как поле сознания, внутри которого живет и действует человек.

Центральной частью повести, на наш взгляд, явилась глава о прогулке Люси за рыжиками. Перед нами картина встречи человека с землей. Картина метафоричная – земля оставлена без присмотра: «не сеют, не пахут, значит, нечего от скота запрягать, все четыре стороны открыли настежь» [5, с. 86]. Открытые на все четыре стороны ворота символизируют отсутствие границ своего мира, земли, которая кормит. Отсутствует чувство защищенности и вообще – дома. Становится очевидным, что дело не в социальной бесхозности человека и не в чьих-то просчетах. В мире произошел какой-то глубинный сдвиг, нарушивший естественный порядок жизни. Наряду с чувством защищенности, нивелируется и чувство сакральности. Место, которое когда-то что-то обозначало, перестало в глазах людей иметь свое значение. Гору, которая была «не так большая, как крутая, вредная и мешала машинам» срезали [Там же]. Интересно здесь то, что гора была будто бы живая – «вредная», и люди, эту вредность «укоротили» – срезали гору. Засыпали и ту канаву, которая была запретным местом. Мифологическое сознание сакральности этого места ушло из жизни людей, а вместе с ним и знание об опасности: «кто-то когда-то пустил слух, что дно в ней – это вовсе не дно, а обман, что за ним пустота, ведущая чуть ли не в преисподнюю, и слух этот помнили. И вот теперь канаву засыпали» [Там же]. Р. Барт отмечает, что «миф есть слово, в котором интенция гораздо важнее буквального смысла» [1, с. 243]. Дно канавы, по слухам, вело в преисподнюю, люди, «может быть, не очень и верили, но помнили» [5, с. 86]. А теперь страх, связанный с близостью и реальностью преисподней, ушел: «и вот теперь канаву засыпали, утрамбовали, похоронили связанные с ней страхи» [Там же], иными словами, нет больше ни понятия о преисподней, ни страха перед ней. И в этом свете, исчезает не только таинственное место, но и сам «страх смертный». Таким образом, перед нами не просто описание местности, где прогуливается героиня повести, – это форма действительности, которая ее окружает. А действительность представляет собой крушение онтологических основ миропонимания человека, утрату человеком мифического сознания, которое оказывается не только способом обретения социальных норм, но и формой воспитания духовности в человеке, то есть способом гармонизации бытия человека в мире.

Характерной чертой мифического сознания является актуализация интереса к миру повседневного бытия как бытия совместного. Совместная, общинная жизнь для современного человека, как показывает В. Распутин, тоже оказалась пережитком прошлого. Люся не только не чувствует кровной близости между собой, братьями и сестрой, она тяготеет родством, оно ее раздражает, «она не может сойтись с ними душевно и проникнуться одним общим и радостным настроением встречи» [Там же, с. 85]. Родство, единение по признаку родства – это самая древняя разновидность общности людей, и самая первая, с которой человек встречается в жизни.

При этом общественное здесь тесно смыкается с биологическим, и пытаются отменить или игнорировать род – почти тоже самое, что пытаться отменить явление природы. Появление сиротства – не по родству, а как духовное явление, указывает на утрату человеком мифического сознания, что, в свою очередь, ведет к страшным последствиям – духовному обнищанию человека, утрате им своих корней и смысла жизни. Интересно, что в повести ничего не говорится о детях Люси, о ее семье – она живет для себя и подчинена заботам только о себе. В онтологическом смысле, Люся, живя за социально-благополучной ширмой, не осознает своей осиротелости, своей обездоленности и бесприютности, хотя с теплотой в душе и вспоминает об общей работе всей деревней. Эта работа представляла собой эквивалент соборности: «то, что было не под силу одной семье, делали всем миром» [Там же, с. 88]. «Люся помнила, как любила она складывать поленицы, находя какую-то особую первобытную радость в том, чтобы устраивать в порядок приятные для глаза желтые сосновые поленья» [Там же]. И здесь опять мы видим утраченное чувство радости, то, что делает жизнь светлой и осмысленной.

Фраза «первобытная радость» также завязана со словом «порядок», т.е. самая простая, естественная радость держится на порядке, на «правильности» труда, а это, в свою очередь, связано с мифическим сознанием общинного труда. В описании работы представлена символическая картина: «С обновленной землей менялись, казалось, и чувства <...> древние инстинкты с непонятной настойчивостью заставляли присматриваться, принохиваться, отыскивая что-то и под ногами и в воздухе, что-то забытое, утерянное, но не исчезнувшее совсем» [Там же с. 89]. А. Ф. Лосев писал, что «для мифического сознания все явлено и чувственно-ощутимо», оно апеллирует не к логическим понятиям, а к памяти о том, как было правильно, и как должно быть правильно сделано сейчас [3, с. 8]. Мифическое сознание «выражает, укрепляет и кодифицирует веру; оправдывает и проводит в жизнь моральные принципы; подтверждает действительность обряда и содержит практические правила, направляющие человека» [4, с. 99]. С его утратой, человек перестает «различать» важное и правильное, поскольку без этих направляющих он утрачивает традиции: «не обходилось без лиственничной серы, без которой в этот день было так же нельзя, как в Пасху без яиц» [5, с. 90]. А через них и понимание своего места в жизни. Вне мифического сознания человеку просто становится не за что держаться. С его утратой, уходят жизнеутверждающие и идеалопологающие ценностные ориентиры, то есть наблюдается кризис мировоззрения человека. А это, в свою очередь, порождает мировоззренческое безвременье и беспамятство. Вообще, момент обращения к памяти в этой главе повести является основополагающим. Первые же шаги Люси по полю пробуждают в ней какую-то первобытную память, как будто вещи начинают вещать: «Казалось, какой-то голос – травяной или ветряной – носил живущие здесь слова, и слух, уловив их, дал для повторения» [Там же]. Недаром, даже колхоз, от которого ничего не осталось, назывался «Память Чапаева». Здесь символично то, что само название может трактоваться неоднозначно (память о Чапаеве или память самого Чапаева), появляется какая-то неопределенность, и чувство это усиливается, когда колхоз переименовывается несколько раз. С точки зрения ономапоэтики, с утратой имени теряется и сама сущность этого явления. Действительно, со временем, община без имени превращается в сборище, исчезают порядок, традиции, устой деревенской жизни: «дошло до того, что некому стало кормить скот», «поля забросили» [Там же, с. 91]. Обращение к образу Чапаева связано и с моментом завоевания. Люди, оставив землю, труд на ней, обратились к завоеванию, к захватничеству – заготовке леса в леспромхозе, к потреблению, а не к созиданию. У Люси возникает чувство вины, когда она глядит на заброшенные поля. «Она подумала, что у деревенских, оставивших землю ради леса, это чувство должно быть сильнее, пусть они от него и страдают, если способны страдать» [Там же, с. 92]. Люся видит эту заброшенную землю и ощущает пугающую тревогу «которая, казалось, передавалась от земли, оттого, что земля помнит ее и, как окончательного суда, ждет ее решения» [Там же]. Перед нами мотивы, характерные для христианского сознания, для христианского понимания последствий грехопадения человека – отношения человека и твари. Апостол Павел говорит о том, что «тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде откровения сынов Божьих» [2, с. 195]. Земля тоскует о заботе о себе, тварь с надеждою ожидает решения человека о себе, своей участи. Эта забытая человеком ответственность перед тварным миром является причиной непонятной Люсе тревоги. Поэтому неслучайно Люся вспомнила и об Игреньке – коне, который делил тяготы жизни своих хозяев во время войны: «Раз уж зиму перезимовал, тепери сам Бог велел потерпеть. <...> А тут уж на характере можно продержаться, я давно уж на характере держусь» [5 с. 95]. Игренька – надорванная и заезженная кляча «он пытался подняться и не смог, а теперь успокаивался, смирившись с тем, что будет, приласканный проникающим сквозь землю покоем» [Там же]. За этим образом проступает образ всего русского народа – загнанного и обесцениленного, лишнего мира, порядка и покоя. И встает Игренька из последних сил, только благодаря отношению к нему Анны, благодаря ее уговорам, ласковому голосу. Воспоминание не оставляло Люсю, «она что-то не поняла в нем, что оно пришло <...> с какой-то своей, затаенной, бередающей мыслью, которую она не распознала» [Там же, с. 97]. Люся не распознала бередающей ее мысли по причине утраты в себе мифического сознания, в котором человек является частью всего тварного мира.

Выпадение из мифической модели мира вскрывает и распад жизни в социуме. В мире Люси отсутствует сакральный центр, в нем множество субъективных волей, поэтому человек в нём бессилён. Брошенная земля, превращение общины в сборище, переход к потребленческой модели жизни, отсутствие момента чуда, а главное, исчезновение «страха смертного» – все это следствие секуляризации мифического сознания человека, нивелирование той глубинной памяти, которая передавалась от поколения к поколению, и на которой держалось все мироустройство человека. «Забыла <...> Забыла совсем, до пустоты» [Там же, с. 104].

Пустота – это ничто, не заполненная ничем душа. Но весь трагизм положения в том, что с человека, потерявшего ответственность за своё существование и за бытие, эта ответственность не снимается: «Люся еще раз осмотрелась вокруг, и ее кольнуло неожиданное, родившееся уже здесь чувство вины, будто она могла

чем-то помочь им и не помогла» [Там же, с. 92]. Поэтому Люсю не отпускает ощущение, будто бы ее исповедует какая-то сила, будто она должна дать ответ за свою жизнь, и за все с нее спросится.

Перед нами – кризис сознания человека: «было» – «стало», тогда как для мифического сознания характерна целостная картина мира. При этом человек ощущает себя настолько включенным в ткань мира, что существование мира без него невозможно: он сам и есть мир. То есть ощущение целостности мира является отличительной особенностью мифического сознания, и утрата последнего есть признак кризиса человеческого мироощущения.

Очевидным является то, что дисгармония в мировоззрении приводит к нарушению его целостности, к нарушению его ведущих функций, и, как следствие этого, к мировоззренческим подменам. Только мифическое сознание, будучи гранью традиционалистского сознания, определяет способ мышления, в котором все элементы мироздания упорядочены и соотнесены с человеком. Мифическое сознание выражает духовную потребность человека не только в осмыслении, но и структурировании своего бытия. Распутин раскрывает природу мифического сознания и показывает, к каким глобальным катастрофическим последствиям ведет отрыв человека от духовных корней, которые это сознание питает.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
2. Библия. Послание к Римлянам. Рим. 8:20. М.: Синод. изд-во, 1992. 979 с.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 959 с.
4. Малиновский Б. К. Миф в примитивной психологии // Малиновский Б. К. Магия, наука и религия / пер. с англ. М.: Рефл-бук, 1998. С. 92-140.
5. Распутин В. Г. Прощание с Матерой. М.: Эксмо, 2011. 638 с.

REPRESENTATION OF MYTHICAL CONSCIOUSNESS CRISIS IN V. RASPUTIN'S STORY "THE LAST TERM"

Kuznetsova Elena Nikolaevna
Togliatti Academy of Management
elena.n.77@yandex.ru

The article presents an analysis of V. Rasputin's story "The Last Term" in the light of mythical consciousness crisis, which is understood as a crisis of human consciousness in general. The implementation of research tasks is achieved by referring to the complex philological analysis of the text, as well as using a phenomenological approach, which is based on understanding of the world as a phenomenon of consciousness. It allows considering the myth as the field of consciousness in which a man lives and acts. The analysis of V. Rasputin's story "The Last Term" shows that the myth is specific experience of consciousness that has its own ontology; and mythical consciousness is a meta-structure, permeating all spheres of human activity. The distortion of mythical consciousness leads to the destruction of spiritual and moral traditions in the society, to the man's fragmentary vision of the complete worldview, to the loss of one's place in it.

Key words and phrases: crisis; mythical consciousness; onomapoetics; symbol; self-identity of subject.

УДК 82'0:811.152.1

Филологические науки

В статье рассматриваются способы создания дискурса модернизма на примере одного из рассказов из раннего сборника Сэмюэля Беккета «More Pricks than Kicks». Наряду с такими приемами как поток сознания, обращение к интертексту, гиперуспешность или неуспешность речевых актов, исследуется роль метафоры в создании символического пространства как отражения внутреннего состояния героя. Проявление скрытых метафорических ассоциаций рассматривается как ключ к пониманию зашифрованных писателем проблем и страхов героя.

Ключевые слова и фразы: дискурс модернизма; символ; метафора; миф; мышление.

Кукарская Ольга Валерьевна

Томенский государственный университет
olga.kukarskaya@mail.ru

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ДИСКУРСА МОДЕРНИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ С. БЕККЕТА)[©]

Сэмюэл Беккет (1906-1989) известен широкой публике как ирландский драматург и основоположник эстетического направления «Театра абсурда», проживший большую часть жизни во Франции [2]. Однако С. Беккет является не только создателем антипьес (термин, введенный критиком Мартином Эслином после публикации знаменитой пьесы Беккета «В ожидании Годо», 1948-1949), но и романистом, поэтом и эссеистом. Не явившись на вручение Нобелевской премии по литературе в 1969 г., Беккет подтвердил своеобразие философской мысли, которой он придерживался, кажется, всю жизнь. Уже с юного возраста писатель избрал мотив печали, тоски